

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ В АРХЕОЛОГИИ, КАЛИБРОВАННЫЕ ДАТЫ И НОВЫЕ РЕШЕНИЯ МАЙКОПСКОЙ ПРОБЛЕМЫ*

Раннебронзовый век Северного Кавказа отмечен приходом западных семитов из Северной Месопотамии (майкопские курганы) и древнеевропейцев из Центральной Европы (дольмены у ст.Новосвободной). Эти одновременные события произошли в 23 в. до н.э. Поселения (Мешоко, Долинское, Луговое) связаны, в основном, с древнеевропейскими культурами типа Нижняя Михайловка и дольменов Новосвободной. Локальное использование калиброванных дат С 14 для Майкопа и Новосвободной недопустимо, поскольку противоречит всей системе дат древнего Ближнего Востока и Европы.

Ключевые слова: Северный Кавказ, Майкопские курганы, дольмены Новосвободной, западные семиты, индоевропейские миграции, 3 тыс. до н.э., калиброванные радиоуглеродные даты, раннебронзовый век Кавказа и Северного Причерноморья.

Постановка проблемы. В конце XIX в. до н.э. Н.И. Веселовским были раскопаны два выдающихся памятника на Северо-Западном Кавказе: курган в г. Майкопе [23](рис.1,2:А) и дольмены в ст. Новосвободной [24] (рис.2:В, С), определившие характеристику раннебронзового века Северного Кавказа. До 70-х годов XX века оба памятника оставались изолированным явлением в картине исторического развития юга Восточной Европы. С открытием на Украине памятников энеолита/ранней бронзы, содержащих керамику, близкую по форме и технологии к *новосвободненской* (а не майкопской, как думают украинские археологи), исследователи обратились к вопросам происхождения, относительной и абсолютной хронологии этих памятников, к проблеме этнокультурных связей между строителями майкопских курганов и новосвободненских дольменов [5; 7; 8; 9; 14; 32; 34]. Эти вопросы составляют содержание так называемой «майкопской проблемы», для которой на сегодняшний день имеется только ряд взаимоисключающих решений и по дате, и по происхождению Майкопа и Новосвободной. Манипуляции последнего времени с калиброванными радиоуглеродными датами майкопских и новосвободненских памятников, уводящие их в начало IV тыс., подготовили полный хронологический разрыв древнего Кавказа с областями и цивилизациями древнего Ближнего Востока, где ранее археологами фиксировались аналогии майкопскому комплексу [4;12; 33]. Причины такой кризисной ситуации в отношении раннебронзового века Северного Кавказа разбираются в этой статье; предлагается система приоритетов в решении данной проблемы.

Происхождение и датировка Большого Майкопского кургана. Уже первые исследователи этих памятников выделили в качестве датирующего компонента майкопского комплекса манеру изображения вереницы животных на серебряных сосудах Майкопа (рис.1:5). Они пытались найти место Майкопа в системе ближневосточных древностей, сравнивая уникальный майкопский художественный стиль с реалистическим искусством как додинастического Египта (конец IV тыс.) (конец IV тыс.), Протописьменного IV (IV/III тыс.), так и Раннединастического III в Месопотамии (25 – 23 вв.) [29]. С ростом источни-

* © Николаева Н.А.

ковой базы расширялся круг аналогий и в Малой Азии, и в Иране [30]. Направление поисков было верным, но разброс дат не решал поставленной задачи. Было очевидно, что сходные сюжеты, объекты, изображаемые в реалистической манере, в искусстве Месопотамии бытуют на протяжении столетий. Чтобы остановиться на истинных параллелях для майкопского художественного стиля и уменьшить хронологический интервал бытования таких сюжетов, требовалось разработать методику сравнения подобных категорий источников. В статье 1982 года мы впервые показали и свою методику сравнения образцов изобразительного искусства, и обосновали свою датировку искусства Майкопа 25 – 23 вв. до н.э. [19].

Территориальная близость Майкопа и Новосвободной, монументальность памятников, их частичная синхронность дали повод к бездоказательному объединению Майкопа и Новосвободной в рамках единой «майкопской культуры» [10]. Это завело в тупик реконструкцию культурно-исторического процесса на Северном Кавказе в эпоху бронзы и заставило сторонников однокультурности Майкопа и Новосвободной внести коррективы в терминологию: на смену майкопской культуре с майкопским и новосвободненским этапами приходит «многокомпонентная» майкопско-новосвободненская культурно-историческая общность, части которой могут *формироваться независимо друг от друга* (! – курсив наш - Н.Н.) [33, 42; 12, 11. сн. 2; 36]. Ничем не подкрепленный термин «майкопская культура» как генетическое единство майкопского и новосвободненского комплекса удержался в течение 50 лет не потому, что соответствует реальности, а потому, что не было и нет дискуссий о методологии различения ареальных контактов и генетического родства археологических культур. До обнаружения кавказского материала за пределами Кавказа проблема однокультурности Майкопа и Новосвободной касалась ограниченного круга исследователей. Однако когда появились новые материалы по энеолиту Украины, стало далеко не безразличным, представляет майкопская культура, составленная из памятников Майкопа и Новосвободной, – органическое единство или искусственное соединение. Интерес к Северному Кавказу возник вновь с открытием в 60-х годах XX века на территории Украины памятников типа нижнего слоя Михайловки, кеми-обинской культуры, когда стал вопрос о происхождении и дате этих памятников. Вопросы хронологии и выявления компонентов позднейшего Триполья, генетически связанного с нижнемихайловскими, кеми-обинскими памятниками, также способствовали обращению украинских археологов к северокавказским древностям. В 1971 году В.Г. Збеневич, отражая общую точку зрения украинских ученых, говорил о «*энеолитических памятниках Северного Кавказа*», которые внесли вклад в трансформацию усатовских памятников [7, 193; 8, 42]. О.Г. Шапошникова в это же время отмечала черты сходства в керамике Михайловки 1 с *энеолитическими памятниками Северного Кавказа* [31, 257]. Затем в украинских работах вместо «энеолита Северного Кавказа» появился термин «*майкопские памятники*», под которыми можно было подразумевать и майкопские, и новосвободненские [32, 331]. Эта терминологическая разночтенность, проистекавшая из мнимой однокультурности Майкопа и Новосвободной, породили путаницу в выводах: о влиянии майкопской культуры на сложение нижнемихайловских, кеми-обинских и усатовских памятников, о миграциях северокавказцев в степь, о синхронности Майкопа триполью С1 или памятникам нижнемихайловского типа [7, 42]. Таким образом, методологическая ошибка объединения разнотипных комплексов в одну культуру привела к ошибке в исторических выводах,

суть которой состояла в утверждении мнимого влияния майкопской традиции на Северное Причерноморье, поскольку имелось в виду сходство этого круга памятников с Новосвободной, но ее называли Майкопом.

Дата Майкопа 25 – 23 вв. и Новосвободной 23 – 20 вв. справедливо считалась неоспоримой до 1977 года. Затем появилось исследование [1; 2], в котором получил развитие тезис о сходстве майкопского искусства с искусством додинастического Египта и Протописьменного периода Месопотамии, и приведен ряд аналогий майкопской керамике в памятниках Северо-Западной Сирии и Финикии, датирующихся Протописьменным IV [1, 50]. Дата Майкопа 3200 – 2900 гг. до н.э. на основании этих ближневосточных аналогий неожиданно была принята в 80-х годах XX века всеми археологами [12; 25]. Учитывая частичную синхронность Майкопа и Новосвободной, археологи удревели дольмены Новосвободной до конца IV тыс. до н.э. Новая дата вступала в противоречие с датой Новосвободной по западной линии синхронизации 2400-2200 гг. по Збеновичу. *Главным следствием этих ошибочных передатировок стал разрыв археологической истории Кавказа и Восточной Европы с синхронной историей Малой Азии, Месопотамии, Восточного Средиземноморья, Египта.*

Такова была ситуация, когда мы обратились к этой тематике. Мы приняли активное участие в решении майкопской проблемы как своими раскопками памятников бронзового века в Прикубанье и в Северной Осетии в 1972 – 1981 гг., так и своими теоретическими разработками в 1974, 1980, 1982, 1987 и 2004 годах. В 1982 году [18; 19; 26] мы детально обозначили свою точку зрения по всем аспектам майкопской проблемы (объем работ превысил 10 п.л.). Критический разбор концепции однокультурности Майкопа и Новосвободной [18, 9 – 28] показал, по нашему мнению, ошибочность передатировки Майкопа концом IV тыс. до н.э. Анализ искусства Месопотамии от Протописьменного до аккадского периода позволил нам найти точные аналогии как сюжетам, так и манере изображения животных на сосудах Майкопа в памятниках Раннединастического III Месопотамии, датирующихся 25 – 24 вв. до н.э. [19, 28 – 63]. Был установлен центр бытования всех типов майкопской керамики в междуречье Хабур и Балиха. Это было поселение Телль Чуэйра в заевфратском ареале западносемитского государства Эбла. (рис.3;4;). Движение «майкопцев» связывалось с уходом западносемитской общины сначала из Ура в Харран, в Эблу, а потом с уходом части заевфратских поселенцев Эблы на Северный Кавказ, незадолго до разрушения Эблы аккадским царем Нарам-Суэном в 2225 гг. до н.э. [26, 63-104]. По нашему мнению, дата майкопской культуры 23 в. до н.э., кроме типологических параллелей, убедительно подкрепляется анализом исторической ситуации в Месопотамии и Восточном Средиземноморье [28, 78], показавшим, что 23 в. до н.э. – это единственно возможная историческая дата, связанная с историческими событиями, вызвавшими перемещение древностей майкопского типа с Северной Месопотамии на Северный Кавказ.

В 1989 году, в связи с находкой уникальной цилиндрической печати в майкопском погребении в Закубанье, В.А. Сафроновым была уточнена дата этой печати на основании аналогии в комплексе царского некрополя в Уре в Южном Двуречье (Раннединастический III – 25 – 24 вв. до н.э). На печати был изображен олень около Мирового дерева (рис.5:1)[16; 27, рис. 74]. До этого автор раскопок А.А. Нехаев, обнаруживший печать, привел единственную и неточную аналогию из памятников Протописьменного периода, изображающую козу с короткими ногами и длинным туловищем [27, рис. 73:2] (рис. 5:2). *Находка печати и весь металлокомплекс Майкопа окончательно дока-*

звали принадлежность майкопской культуры к культуре Месопотамии Раннединастического III периода (рис.5). Наша совместная точка зрения по дате и генезису Майкопа была приведена В.А. Сафроновым в первой дискуссии по майкопской проблеме, опубликованной в «Советской археологии» в 1990 году [27а, 137-143]. *Находки последнего времени в Телль Хазне (недалеко от Телль Чуэйры), а именно погребения с майкопской керамикой, датирующегося по аналогиям с Телль-Браком, Чагар-Базаром Раннединастическим III , т.е. 25-24 вв. до н.э. [15, 20-40] окончательно разрешили длительную дискуссию о дате Майкопа в нашу пользу.*

В монографии 2004 года мы сделали особый акцент на историческом обосновании появления носителей майкопской культуры на Северном Кавказе [27, с. 34-35], а также уточнили этническую атрибуцию населения заевфратской части Эблы как западносемитскую [28, 255]. Рассмотрев историю заселения Месопотамии с VI тыс. до н.э., мы пришли к выводу, что археологическим эквивалентом шумеров являются культура Убейд, а эквивалентом прасеверно-семитов является культура Урук-Варка (слои 15-4) [28, 162-167]. Разделение двух культур, Убейда и Урука, оказалось своевременным, так как в последних работах майкоповедами употребляется термин «убейд-урукский комплекс» в отношении «майкопских» параллелей из Протописьменного IVA [11;12], без понимания того, что под этим названием скрывается два этноса. Прасеверно-семитская атрибуция урукских памятников и обнаружение их в Северной Месопотамии и в поселениях около Малатьи и Ялазига является свидетельством движения прасеверносемитов на север еще в Протописьменный период [28, 165]. Распространение элементов их культуры далее в Закавказье и в восточной части Северного Кавказа (появление керамики, похожей на майкопскую, в памятниках куро-аракской культуры и очажные подставки на майкопских поселениях) до появления памятников типа Большого Майкопского кургана свидетельствует, что прасемитский этнический субстрат доходит до Кавказского хребта на гребне движения носителей пракартвельского языка (куро-аракская культура). По нашему мнению, комплекс Большого Майкопского кургана не может быть передатирован только на основании того, что 1/30 часть его имеет более широкий интервал бытования на Кавказе и на Древнем Востоке.

Разбор исторической ситуации в Месопотамии на рубеже IV / III тыс. помогает интерпретировать майкопоподобные культурные элементы в Восточном Средиземноморье – в Библие и Амуке F [1, 50], в Малой Азии – Арслан-Тепе VII [12] и Северной Месопотамии конца IV – начала III тыс до н.э. (Хабуба-Кабира) как экспансию прасемитов на север и на восток.

Начало III тыс. до н.э. – время экологического кризиса на планете, результатом чего стали одновременно протекавшие прасемитские миграции на север и индоевропейские миграции из Центральной Европы на юго-восток Восточной Европы, материализовавшиеся в том числе и в памятниках энеолита/ранней бронзы Украины, и в памятниках домайкопского горизонта на Северном Кавказе [27, рис. 52], и позже в дольменах Новосвободной. Реминисценции керамической традиции, сюжетов и манеры исполнения в изобразительном искусстве Египта, Восточного Средиземноморья, Месопотамии, юго-востока Малой Азии в конце III тыс. до н.э. объясняются тем, что эти регионы заняты с середины IV тыс. прасемитским населением, а затем преемниками их – западными семитами.

Происхождение новосвободненского комплекса. Новосвободненский комплекс (рис.2: В,С), напротив, изначально связывался с поздненеолитическими

памятниками лесной полосы Центральной и Восточной Европы [4], а в последние десятилетия – с памятниками азово-черноморского энеолита [5] или нижнемихайловского типа в Нижнем Поднепровье [32], однако вопросы происхождения дольменов Новосвободной эти аналогии не решали.

В работе 1974 г., посвященной происхождению культуры дольменов Новосвободной [17, 174-199], мы, во-первых, приняли ранее высказываемое положение о разнотипности Майкопа и Новосвободной, во-вторых, показали *сходство культуры дольменов Новосвободной с кеми-обинской, усатовской и центральноевропейской культурой шаровидных амфор* (далее – КША) по 11 признакам погребальных конструкций, по 10 признакам обряда погребения и по 8 технологическим характеристикам керамики. В-третьих, нами были рассмотрены относительная хронология и радиоуглеродные даты памятников, содержащих керамику культуры воронковидных кубков (далее – КВК) и КША, нижнего слоя поселения Михайловки, поздне трипольских памятников, обеспечивающих дату Новосвободной в пределах 2400 – 2200 гг. [17, 188–193]. Западноевропейские памятники с элементами новосвободненского комплекса были более древними, чем дольмены Новосвободной. Происхождение новосвободненского комплекса мы связали с миграцией населения из районов Малопольши и Прикарпатья на Северный Кавказ и выдвинули гипотезу, *что этническая атрибуция Новосвободной – индоевропейская, а миграция ее носителей – одна из фаз развития индоевропейской общности* [17, 193 – 194].

Дальнейшие раскопки подтвердили правильность нашей позиции. Спустя 10 лет к нашей точке зрения (о западноевропейском происхождении новосвободненского комплекса) присоединился ряд исследователей [1; 2; 27, 221]. А.Д. Резепкин провел раскопки в урочище «Клады» у ст. Новосвободной и в 1989 году предложил новую периодизацию раннебронзового века. Он считает, что в первых трех стратиграфических горизонтах его периодизации присутствуют как майкопские, так и новосвободненские сосуды, что говорит о синхронности Майкопа и Новосвободной с момента первого появления их в Закубанье. К этому же горизонту он относил и погребение с повозкой (кубано-днепровская, по нашей классификации; новотитаровская, по А.Н.Гею), что подтверждается и раскопанным нами в Прикубанье погребением с двумя повозками и новосвободненским комплексом (Крупская к.3 п.16) [21, 26. рис.4]. Ошибочная синхронизация Майкопа и Новосвободной с предмайкопским горизонтом (Мешоко, Свободное) и неверная датировка Арслан-Тепе VII- VIa с находками штыковых копий новосвободненского типа привела А.Д. Резепкина к неправильному заключению о дате Майкопа и Новосвободной 3250 – 2500 гг. Генезис Новосвободной исследователь видит в ранней группе культуры воронковидных кубков в Центральной Европе, от которой пояс родственных культур протянулся, по его мнению, до Кавказа, юго-восточная точка которого – дольмены Новосвободной. Весь пояс – блок культур, по Резепкину, имеет индоевропейскую атрибуцию. Новосвободненская традиция, по модели А.Д. Резепкина, повлияла на сложение майкопской культуры [25]. Противоречивость выводов А.Д. Резепкина была справедливо раскритикована С.Н. Кореневским [11, 170 и сл.; 12, 67]. На наш взгляд, А.Д. Резепкин допускает ошибку в общей хронологии, в синхронизации нижнемихайловских, предмайкопских и новосвободненских [25].

Так обозначились две точки зрения на западное происхождение культуры новосвободненских дольменов: первая – из области КША второй половины III тыс. и вторая – из области КВК IV тыс. Как показали новые археологические открытия и исследования, убедительные типологические параллели керами-

ке Новосвободной имеются не только в названных КВК, но и в большом числе культур – в нижнемихайловских памятниках, в кеми-обинской [34, 330], поздне трипольской и усатовской культурах, в западном варианте древнеямной культуры [27, рис. 50:17], болераз-баденских памятниках, в культуре шаровидных амфор (КША) и шнуровых керамик (КШК) [27, рис. 27, 30, 40, 54], поэтому центр сложения новосвободненского комплекса следует искать на основе других критериев.

Широкий спектр культур, где отмечаются эти аналогии, может быть объяснен только на основе концепции В.А. Сафронова о позднеиндоевропейской прародине в Подунавье. Согласно его гипотезе [27], после завершения процесса «меридиональной» индоевропеизации в начале III тыс. начались «широтные» ареальные контакты носителей праиндоевропейского языка с автохтонами Центральной Европы. В результате образовались новые союзы, отраженные в древнеевропейских диалектах, археологическими эквивалентами которых были КВК, КША, КШК. При их взаимодействии и взаимопроникновении сложились также общие керамические формы, которые и отразились в керамике Новосвободной. По этой причине эти аналогии являются только свидетельством генетической связи перечисленных культур и Новосвободной, а значит, и индоевропейской атрибуции последней. Калиброванные даты памятников новосвободненского типа в границах cal.3650 – 3100 гг. до н.э. выходят за границы дат КВК, как отметил С.Н. Кореневский [11, 172], что ставит под сомнение происхождение Новосвободной из КВК.

Среди определенного круга исследователей крепнет мысль, что есть некое единство в культурном развитии на пространстве от Малопольши, Прикарпатья до Северного Кавказа. Нет только решения о механизме возникновения этого единства. Ю.Ю.Рассамакин предлагает свою модель исторических событий III тыс. до н.э. Он определяет этот период как время миграции, «объединившей оба берега Днепра, до Южного Буга и Прута и Предкавказья. Он отмечает движение майкопско-новосвободненских элементов в Поволжье, на Дон и в Крым и распространение с запада трипольских (касперовско-гординештского типа) импортов вплоть до Предкавказья «В целом, финал энеолита в степном Причерноморье можно назвать встречной позднемайкопской и поздне трипольской колонизацией» [35, 214]. Эти схемы не убеждают ни по поводу относительной хронологии памятников, ни о направлении миграции.

Что касается новосвободненского комплекса, то существуют другие подходы к датировке Новосвободной, исходя из генетической связи Новосвободной и сменяющей ее кубано-терской культурой (КТК) Северного Кавказа. Кубано-терская культура происходит из области КША и КШК, датируется по западной линии синхронизации временем после исчезновения Триполья и до 20 в. до н.э., поскольку в 20 в. до н.э. в Малопольше появляются катакомбы с керамикой КША+КШК. Известны радиоуглеродные даты начала КТК, полученные А.Л. Нечитайло для погребений Усть-Джегутинского могильника – 21 – 20 вв. до н.э. [17, 188]. Следовательно, верхняя хронологическая граница Новосвободной – 21 в. до н.э.

В последние два десятилетия произошел значительный прирост источниковой базы по майкопской проблематике: были раскопаны новые майкопские поселения, новые погребальные памятники майкопской и новосвободненской культур [12; 25], памятники предмайкопского горизонта. Они свидетельствуют о том, что *Майкоп и Новосвободная практически синхронны друг другу и имеют узкий хронологический диапазон бытования в пределах десятиле-*

тий, а не столетий, как принято считать майкоповедами [12; 25]. Их нижняя граница диктуется датой поселений предмайкопского горизонта, а эта дата, как следует из типологии, соответствует нижнему слою Михайловки, содержащему как трипольскую керамику периода С1 / С2, среднестоговскую керамику, так и керамику типа КША и КШК, что в абсолютных датах определяется 2400 – 2200 гг. [9; 13; 32]. Верхняя граница диктуется ранними погребениями КТК Раннебронзовым 1с, по схеме В.А. Сафронова, даты которых 21 в. до н.э. по западной линии синхронизации (см. выше) хорошо согласуются с датой посткуроаракских погребений сачхерского типа 20 – 19 вв. до н.э., керамические сосуды и топоры которых зафиксированы в Северной Осетии в могильнике у с. Дзуарикау (1/2, 2/2) [20а, 24, 26].

В настоящее время имеется 20 радиоуглеродных дат, которые относятся как к майкопским, так и к новосвободненским комплексам [11, 172; 12, 123]. Разброс дат С14 (3300 – 2150 гг. до н.э.) занимает интервал больше 1100 лет. В этом интервале, по мнению В.А. Трифонова, А.Д. Резепкина, С.Н. Кореневского, находятся реальные даты Майкопа и Новосвободной. Ю.Ю. Рассамкин указывает интервал для новосвободненских памятников 3400-2900 гг., а для майкопских памятников – 4100—3800 гг. [35] По нашему мнению, майкопские и новосвободненские памятники не могли существовать в столь широком диапазоне, поскольку не демонстрируют никакой эволюции. В лучшем случае они занимают по времени несколько десятков лет. Встает вопрос о культурной атрибуции образцов, взятых на анализ по C_{14} . Прочитируем замечания С.Н. Кореневского по поводу дат А.Д. Резепкина: «Не секрет, что даты по C_{14} могут быть дефектными. В целом даты имеют широкий диапазон, не позволяют достаточно узко датировать комплексы» [11, 172]. С.Н. Кореневский совершенно правильно сомневается в культурной атрибуции погребений, дата которых устанавливается. Те же вопросы встают и у нас по отношению к датам, приводимым самим С.Н. Кореневским [12, 123]. После калибровки даты Майкопа и Новосвободной находится в интервале 4000 – 2900 гг. до н.э. С.Н. Кореневского не смущает, что самая ранняя калиброванная дата Майкопа древнее, чем Арслан-Тепе VII с майкопскими предметами в Малой Азии [12, 66] Н.И. Шишлина также отмечает некий искажающий резервуарный эффект, который является причиной расхождения двух дат по C_{14} для одного погребения на 300 – 400 лет [33, 274]. На наш взгляд, это еще раз доказывает, что новая калиброванная хронология на сегодняшний день несовершенна. Хотя и европейские, и американские археологи переводят систему хронологии на калиброванные даты, а отечественные археологи принимают эти правила, и те, и другие должны ответить на вопрос, как согласуется система калиброванных дат с исторической хронологией. Игнорировать историческую хронологию – означает изолировать археологию как историю дописьменных обществ от остальной истории древнего мира. Демонстрацией этой тупиковой ситуации является датировка комплекса с майкопской керамикой из Телль-Хазны (Сирия) Раннединастическим III (25-24 вв.) [15, 31-32, рис.10-12], на основании аналогий с северомесопотамскими памятниками, имеющих традиционные исторические даты, тогда как аналогичные северокавказские комплексы с майкопской керамикой эти же исследователи продолжают датировать 4 тыс. до н.э. Пока никто еще не предложил выхода из данной ситуации. По этой причине *мы подтвердили свою приверженность всем нашим высказываниям 1974-2007 гг. по проблеме генезиса, периодизации, датировки Майкопа и Новосвободной, оставаясь на позиции исторической датировки Майкопа и Новосвободной в пределах 23*

– 22 вв. до н.э., опирающейся на традиционные базы абсолютной хронологии
– египетскую и месопотамскую.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреева М.В. К вопросу о южных связях майкопской культуры. // Советская археология, 1977. №3.
2. Андреева М.В. Об изображениях на серебряных майкопских сосудах. // Советская археология, 1979. №1.
3. Артамонов М.И. Третий Разменный курган у ст. Костромской // Советская археология, 1948. Вып. X.
4. Беседин В.И. О Новых абсолютных датах предсрубного периода. // Исторические записки. Научные труды исторического факультета ВГУ. – Воронеж, 1999. С.189-196.
5. Даниленко В.Н. Энеолит Украины. – Киев, 1974. С.57 и сл.
6. Захарук Ю.Н. Памятники касперовского типа. // Археологія Український РСР
7. Збенович В.Г. Памятники усатовского типа. // Археологія Української РСР. – Киев, 1971. С. 187-193.
8. Збенович В.Г. Позднее Триполье и его связь с культурами Прикарпатья и Малопольши. // Acta archaeologica Carpathica. 1976. Вып. XVI. С.21–58.
9. Збенович В.Г. Позднетрипольские племена Северного Причерноморья. – К., 1974. С.143.
10. Иессен А.А. К хронологии «больших кубанских курганов». // Советская археология. 1950, вып. XII.; Крупнов Е.И. Древняя история и культура Кабарды. – М., 1957.
11. Корневский С.Н. Рецензия на монографию А.Д. Резепкина: Rezapkin A.D. Das frühbronzezeitlich Gräberfeld von Klady und die Maikop-Kultur in Nordwestkaukasien // Archäologie in Eurasien. Band 10. 2000. // Российская археология, 2002. №4. С.170-176.
12. Корневский С.Н. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья. – М., 2004.
13. Круц В.А. Позднетрипольские памятники Среднего Поднепровья. – К., 1977.
14. Мунчаев Р.М. Кавказ на заре бронзового века. – М., 1975.
15. Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я. Телль Хазна 1. Раскопки 2001 года // Российская археология. 2002. №4. С.20–40.
16. Нехаев А.А. Погребение майкопской культуры из кургана у села Красногвардейское // Советская археология, 1986, №1.
17. Николаева Н.А., Сафронов В.А. Происхождение дольменной культуры Северного Кавказа. // Сообщения Научно-Методического совета по охране памятников культуры Министерства культуры СССР. Вып. VII. – М., 1974. С.174–198.
18. Николаева Н.А. Проблемы классификации, периодизации, хронологии и этнической атрибуции майкопской культуры в археологической литературе. // Хронология памятников эпохи бронзы Северного Кавказа. – Орджоникидзе, 1982. С.9-28.
19. Николаева Н.А., Сафронов В.А. Хронология и происхождение майкопского искусства. // хронология памятников эпохи бронзы Северного Кавказа. – Орджоникидзе, 1982. С.28-63.
20. Николаева Н.А. Древнеевропейцы на Северном Кавказе. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «История и политические науки». 2006. №1. С. 3-11.
- 20а. Николаева Н.А., Сафронов В.А. Курганный могильник у с. Дзуарикау // Проблемы археологии Северной Осетии. – Орджоникидзе (Владикавказ), 1980. С. 18-80. Рис.3,4.
21. Николаева Н.А. Индоарии на Северном Кавказе. // Вестник Московского государственного областного университета. «Серия «История и политические науки». 2007. №1.
22. Николаева Н.А., Сафронов В.А. Истоки славянской и евразийской мифологии. – М., 1999.
23. Отчет Императорской Археологической комиссии за 1897 г. – СПб., 1900.
24. Отчет Императорской Археологической комиссии за 1898 г. – СПб., 1900.
25. Резепкин А.Д. Северо-Западный Кавказ в эпоху ранней и средней бронзы. Автореф. канд. дисс. – Л., 1989.
- Резепкин А.Д. – Rezapkin A.D. Das frühbronzezeitlich Gräberfeld von Klady und die Maikop-Kultur in Nordwestkaukasien // Archäologie in Eurasien. Band 10. 2000.
26. Сафронов В.А. Хронология, происхождение и определение этнической принадлежности майкопской культуры по археологическим и письменным источникам. // Хронология памятников эпохи бронзы Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1982.
27. Сафронов В.А. Индоевропейские прародины. Горький, 1989; Он же. Новые пути решения майкопской проблемы. // Советская археология. №.1990.
28. Сафронов В.А., Николаева Н.А. История Древнего Востока в Ветхом Завете. 2004.
29. Фармаковский А.В. Архаический период в России. // Материалы по археологии России. – СПб., 1914, №34.

30. Формозов А.А. Каменный век и энеолит Прикубанья. – М., 1965.
31. Шапошникова О.Г. Памятники типа нижнего слоя Михайловки. // Археология Украинский РСР. – Киев, 1971. С. 257.
32. Шапошникова О.Г. Памятники нижнемихайловского типа. // Археология УССР. 1985. С. 325-331.
33. Шишлина Н.И. Северо-Западный Прикаспий в эпоху бронзы. (V—III тыс. до н.э.). – М., 2007.
34. Щепинский А.А. Кеми-обинская культура. // Археология УССР. 1985. С.331-333.
35. Rassamakin Y.Y. Die Nordpontische Steppe in der Kupferzeit. Berlin. 2002. С.211-214.

N.A. Nikolaeva

THE PROBLEM OF HISTORICAL RECONSTRUCTION IN ARCHAEOLOGY. CALIBRATED DATES C14 AND NEW SOLUTIONS OF MAIKOP PROBLEM

The main events of the Early Bronze Age in the Northern Caucasus are two-staged indoeuropean expansion of the region from Central Europe and coming the Western Semites from the Northern Mesopotamia (Maikop barrows). It had happened in 23 B.C. Using calibrated C 14 dates prevents the reconstruction of the ancient history of the Caucasus because they came into contradiction with the traditional historical chronology in the ancient Near East.

Key words: North Caucasus, Maikop barrows, дольмены New free, the western Semites, indoeuropean migrations, 3 thousand BC, calibrated radiocarbon dates, Early Bronze Age of Caucasus and Northern Black Sea Coast

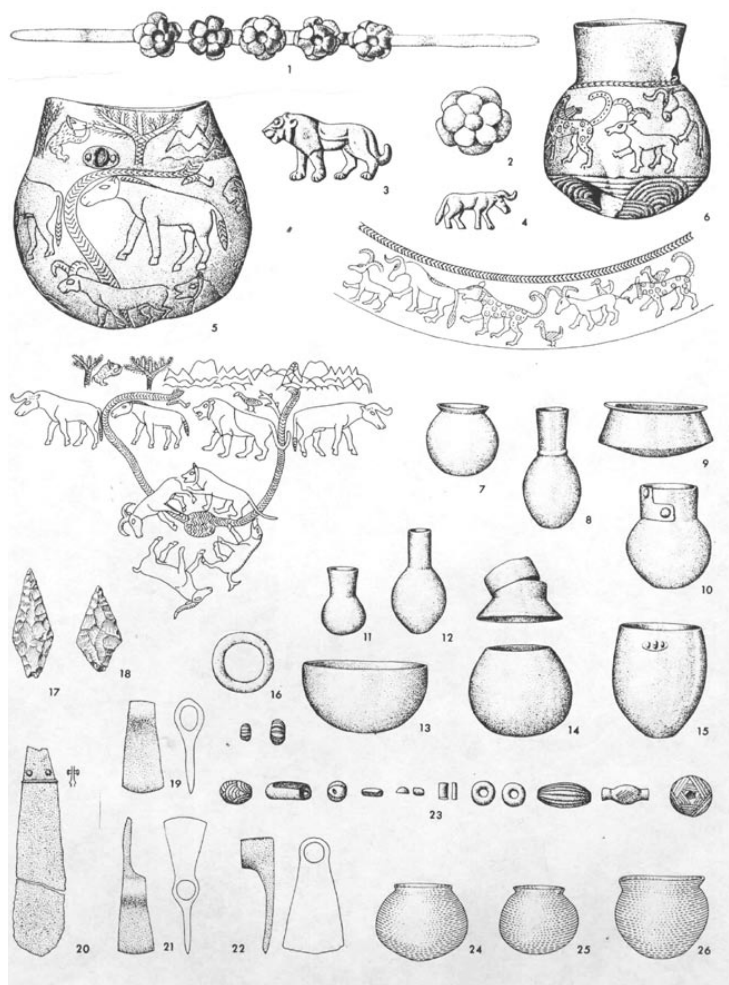

Рис. 1. Большой Майкопский курган: 5-6, 10-13, 15 – серебро; 1-4, 8, 9, 23 – золото; 19-22 – бронза; 24-26 – керамика.

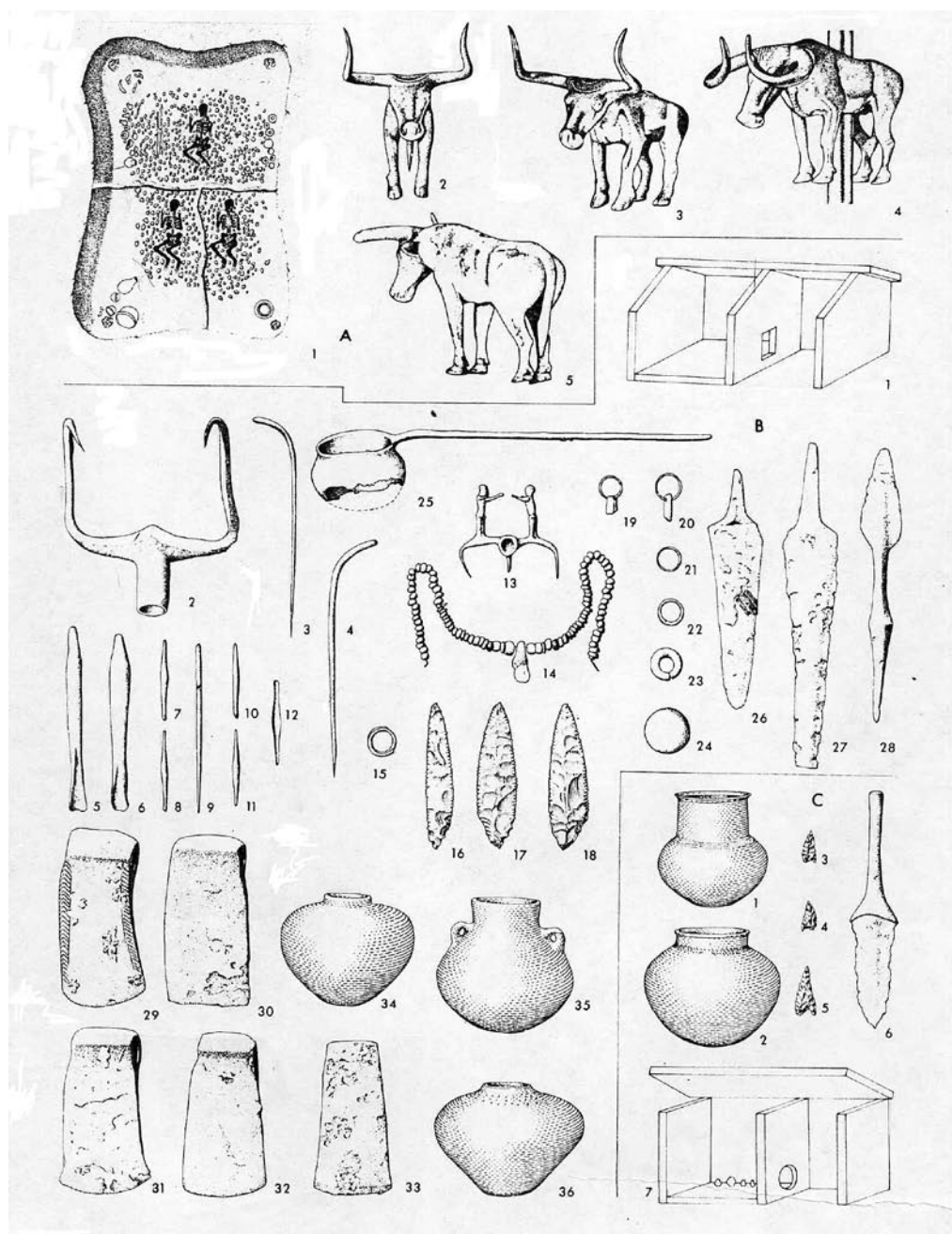

Рис. 2 А – Большой Майкопский курган: 1-план могилы; 2-5 – золото;

В –дольмены Новосвободной: 1 – дольмен 1:2, 5-12, 26-28, 29–33–бронза; 34-36 – керамика; 19-23 – золото; 16-18 – кремь; 24-каменный шар.

С-дольмены Новосвободной: 6- бронза; 1,2 – керамика; 3-5 – кремь; 7 – дольмен.

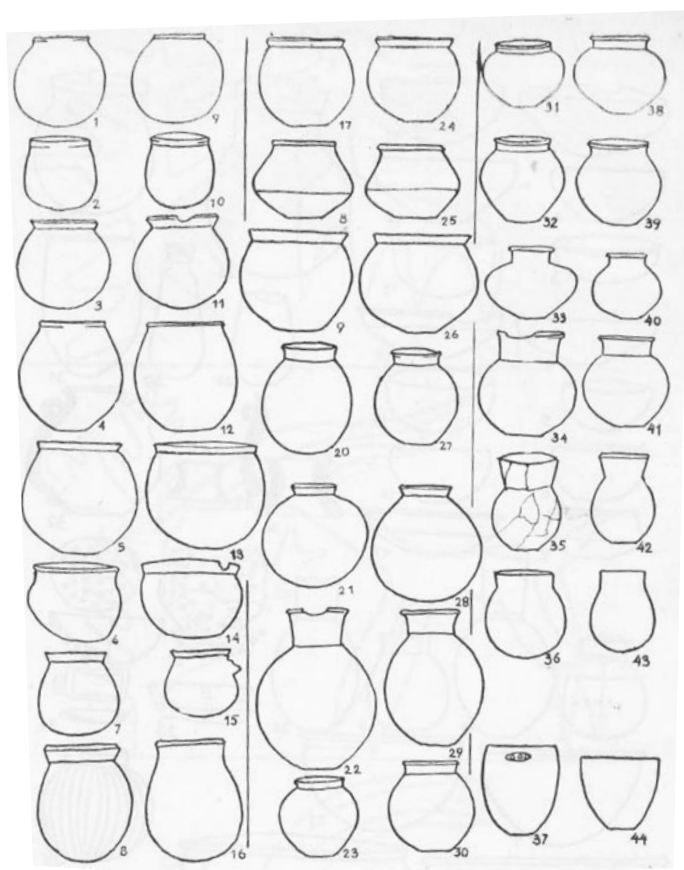

Рис. 3. Прасемитские (Прото-письменный IV) керамические формы в Майкопе и в Эбле: (25-24 вв.): 1-8, 17-23, 31-37 – Майкоп; 9-16, 24-30, 38-44 – Телль Чуэйра, Северная Месопотамия.

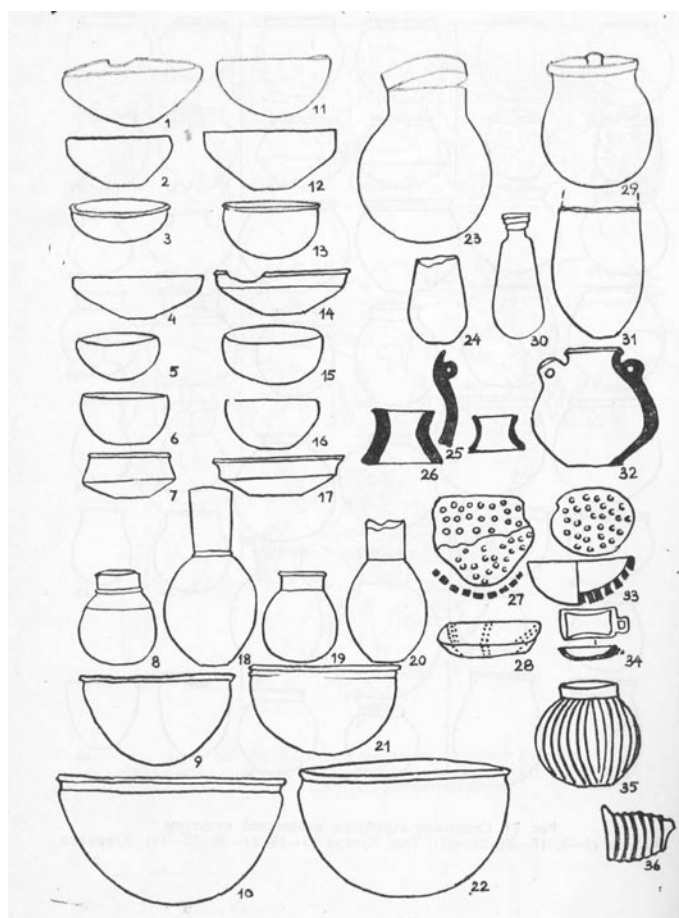

Рис. 4. Семитская атрибуция майкопской культуры.

1-10, 23-28, 35 – Майкоп; 11-22, 29-34, 36 – Телль-Чуэйра.

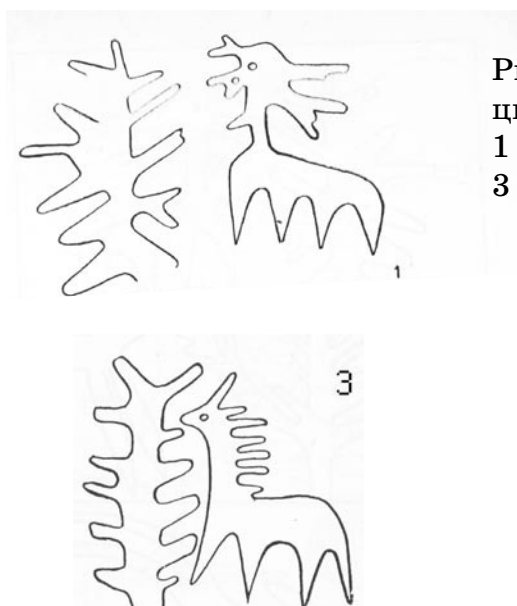

Рис. 5. Месопотамские параллели майкопской цилиндрической печати:

1 — Красногвардейское к/п; 2 — Урук III IVa;
3 — царский некрополь РД III Ура.

Рис. 6. Аналогии майкопскому металлокомплексу в Месопотамии РД III:

1-8, 19, 23, 29-32, 37, 38 — Майкоп (Северный Кавказ);
10-18, 20-28, 33-36, 39, 40 — царский некрополь Ура РД III (Южное Двуречье) [27, рис. 71-75].

